

О. В. Голубкова

**СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК В ЛЕГЕНДАХ
И БЫЛИЧКАХ ОБСКИХ КОМИ: НОВЫЙ ОБРАЗ
«ЛЕСНОЙ НЕЧИСТИ» В СОВРЕМЕННЫХ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ¹**

У ижемских коми распространены рассказы о *лешаках*, которых информанты обычно характеризовали как демонических персонажей, враждебных человеку. Многочисленные легенды и былички о *лешаках*, записанные у ижемских коми, повествуют о том, как эти злобные существа пугали (иногда убивали и ели) людей, заходили в поселки, проникали в дома, похищали детей, губили охотников, заманивая их в таежные дебри. Подобные сюжеты несказочной устной прозы о *лешаках* широко известны северным коми, проживающим на Ижме и Печоре, а также в бассейне нижнего течения Оби (ареальная группа обских коми-ижемцев). Истории о зловредных *лешаках* принципиально отличаются от рассказов о духах — хозяевах леса (*вӧрса*). Представления о *вӧрса* (*вӧрись, вӧрморт, вӧрдядь, ягморт*) распространены у различных групп коми-зырян и пермяков. *Вӧрса* хотя и считался опасным для человека, но лишь в определенных случаях — когда люди нарушали неписанные правила природопользования: запреты приходить в лес в «неурочное» время, посещать «заповедные» места, шуметь в лесу, ограничения на охоту, сбор грибов и ягод, вырубку деревьев. Обычно лесные хозяева наказывали слишком жадных охотников и лесорубов, забирающих дары природы «сверх всякой меры» (их могли покарать увечьем или гибелью). Для обычных охотников и собирателей даров леса, случайно попавших на «тропу духов», наказание чаще носило поучительный характер и ограничивалось тем, что лесной хозяин пугал людей звуками, «водил»

¹ Работа выполнена в рамках проекта Программы Президиума РАН № 3.3.

по лесу, сбивая с дороги, но в итоге отпускал; иногда подобные блуждания считались забавами *вõрса*. Он мог лишить удачи в охоте и, напротив, за оказанную помощь наградить богатым промыслом. Коми приносили лесному хозяину дары (угощение), чтобы его задобрить; верили, что некоторые люди, в частности пастухи и охотники, могли водить дружбу с *вõрса* [Налимов 1903: 77–79; Белицер 1958: 320; Голева 2011: 150–161]. Таким образом, в представлениях коми о лесном духе-хозяине доминировал образ строгого, но справедливого и отнюдь не кровожадного лесного владыки [Мифология 1999: 118]. Подобные представления о лесных хозяевах (*леших*, *лесовиках*, *лембоях*) распространены у русских, а также у карел и других финно-угорских народов [Барсов 1874: 87–90; Криничная 1993: 6–19; Власова 1998: 283–306]. Соответственно, злобных и кровожадных *лешаков*, которые относились к людям сугубо негативно и не вступали ни в какие договорные отношения, которым коми не приносили жертв и подношений, можно считать другим видом *нежити*. У них не было единого наименования, а в имеющихся достаточно многочисленных фольклорных текстах о встрече с лесными злыми духами они обычно назывались одним из обозначений нечистой силы вообще. Из общепринятых описательных названий лесного духа-хозяина в отношении их использовались преимущественно только заимствованные из русского языка термины *лешак* и *леший*, которые в обыденной речи и фольклоре у коми часто имели значение «нечистая сила», «черт», «дьявол». Как и нечистая сила, злые лесные духи часто появлялись в большом количестве, целой ватагой, что опять же отличало их от *вõрса*. Последствия встречи с *лесной нечистью* могли быть самыми разными: охотник спасался благодаря собственной хитрости или находчивости; ему чудом удавалось убежать; он получал тяжелые травмы или даже погибал. Появление злых духов могло быть немотивированным, или же за незначительный проступок они пытались наказать провинившихся неадекватно сурово [Мифология 1999: 120–122].

Наряду с представлениями о лешаках на Сибирском Севере в течение нескольких последних лет (в 2000-е годы) большую популярность приобрели рассказы о снежном человеке. Представ-

ленная работа написана на основе полевых материалов автора, полученных во время экспедиций 2004, 2006 и 2011 гг. в поселках Ханты-Мансийского АО (Березово, Саранпауль, Сосьва) и Ямало-Ненецкого АО (Мужи, Шурышкары, Восяхово, Овгорт, Ямгорт) Тюменской области; а также в селах Ижемского района Республики Коми (Ижма, Бакур, Сизябск) в 2003 г. Былички о лешаках и снежных людях были записаны со слов 73 информантов — ижемских коми: 22 человека на Ижме и 51 человек — обские коми, жители автономных округов Тюменской области. Опрашивались мужчины и женщины в возрастной категории от 50 до 90 лет (на момент исследования). Сообщения о снежном человеке были записаны от 19 респондентов на Сибирском Севере.

Истории о встречах со снежными людьми по ряду признаков сопоставимы с рассказами о лешаках, а их внешность, нравы, привычки и специфические особенности, суммируя рассказы информантов, можно охарактеризовать как идентичные. Прежде всего обнаружено сходство по внешним признакам, отличающее лешака или снежного человека от иных представителей нежити или от людей. Главным образом выделяются высокий рост, отсутствие одежды и «волосатость», по которым люди могли узнать упомянутых персонажей, причем эти признаки позволяли заметить их издали и при мимолетной встрече. «Снежные люди — они такие же, как мы, только здоровые, на полметра выше любого мужчины. И лохматые. Одежду не носят, у них шкура как у зверей, без нее бы зимой замерзли» [ПМА: ХМАО, пос. Саранпауль, 2011]. «Снежный человек высокий, два с лишним метра, темно-красные глаза, покрыт рыжей шерстью» [ПМА: ЯНАО, с. Шурышкары, 2011]. «В прошлом году видели в Азовах. Вышел из леса человек двухметрового роста, весь лохматый. Увидел людей и опять в лес убежал. Потом еще следы большие видели. Говорили, из Монголии приходил, наверное, назад ушел» [ПМА: ЯНАО, пос. Овгорт, 2004]. В рассказах обских коми о снежном человеке выделялись также специфические свойства его внешности, которые можно заметить лишь с достаточно близкого расстояния: грубые черты лица, отсутствие ресниц, красный цвет глаз (или их красноватое свечение). «Снежного человека видели. Здоровый, тело все в шер-

сти, похож на обезьяну. Лицо страшное, глаза маленькие и красные, как угольки горят» [ПМА: ХМАО, пос. Саранпауль, 2011]. «Если встретить в лесу снежного человека, то можно узнать по глазам. Глаза у него без ресниц, круглые, как будто навывкате, горят красноватым светом. Смотрит, не моргает. От его взгляда можно сойти с ума» [ПМА: ХМАО, пос. Сосьва, 2011]. «Красные глаза у нежити, по ним можно отличить человека от нечистой силы» [ПМА: ЯНАО, пос. Овгорт, 2004]. Следует заметить, что в некоторых регионах России лешего «узнавали» по целому ряду «нечеловеческих» черт внешности, среди которых перечислены горящие глаза (обычно зеленые, а не красные) без ресниц и бровей [Криничная 1993: 14; Власова 1998: 287; Голева 2011: 154]. В целом же, лесной хозяин был многоликим; временами его облик мог быть неопределенным, аморфным. Синкретичность внешних типов этого духа создавала неясное впечатление о его истинной наружности: он часто перекидывался, принимая образы людей, животных, птиц, растений или природных явлений (ветер, вихрь).

В качестве особого «физиологического» признака снежного человека некоторые информанты называли прозрачность костей. «Нашли кости снежного человека. Огромные и светятся в темноте. Наверное, в них содержится много фосфора» [ПМА: ХМАО, пос. Саранпауль, 2011]. «У нас на Белой горе раньше жили снежные люди. Целую семью видели. Потом их спугнули, они ушли в лес, подальше от людей. После них могилы остались. Находили кости. Они прозрачные, как стекло. Брала в руки, а они (кости) тут же рассыпались в пыль» [ПМА: ЯНАО, с. Шурышкары, 2011]. Вероятно, прозрачные (стеклянные) кости — именно то качество, которое относительно рационально может объяснить такое волшебное качество мифологического персонажа, как способность становиться невидимым. Следует заметить, что снежный человек всеми информантами позиционировался как реальное существо — представитель малоизвестного биологического вида людей, в отличие от леших/лешаков, которых информанты (верившие в существование снежных людей) считали «сказочными» персонажами (при этом целый ряд inferнальных качеств снежного человека не смущал рассказчиков).

Согласно представлениям обских коми, еще одной особенностью внешности снежного человека являются вывернутые пятки, либо он косолап. «Снежного человека никто не видел, его узнают по следам. Правый след оставляет слева, а левый — справа. У него ноги не такие, как у человека, а вывернутые» [ПМА: ХМАО, пос. Саранпауль, 2011]. «В прошлом году мужики в тайге видели лешего. Пошли охотники в лес. Кто-то стоит вдальеке. Лохматый, здоровенный. На двух ногах стоит — человек, не зверь. Потом побежал, заковылял — косолапый. А кто-то говорит, что не леший это был, а снежный человек» [ПМА: ХМАО, пос. Сосьва, 2011]. Следует заметить, что «вывернутые пятки» — это черта, которая объединяет снежного человека не только с вёрса [Налимов 1903: 77], но также с целым рядом инфернальных персонажей славянского и финно-угорского пандемониума: хромота или уродство ног — основной признак «низовой» («змеиной») природы существа, обладающего данным качеством [Пропп 1996: 69–73; Лаушкин 1970: 181–185]. Анализ материалов несказочной прозы обских коми выявил ряд признаков, по которым снежные люди и лешаки соотносимы с нечистой силой. В рассказах присутствовали неоднократные упоминания о том, что лешаки и снежные люди наделены магическими способностями: те и другие могли становиться невидимыми, не отбрасывали тени. «У лешака не бывает тени, ему Бог не дал. К нечистой силе относится» [ПМА: ЯНАО, с. Мужы, 2006]. «Снежный человек — это дух, у него нет тени. По тени всегда можно узнать живого человека» [ПМА: ХМАО, пос. Саранпауль, 2011]. «Бывает на охоте, что собаки лают, а зверя не видно. Тогда нужно встать задом в ту сторону, куда собаки лают, нагнуться и посмотреть между ног. Тогда увидишь снежного человека. А так он невидимый, людей морочит» [ПМА: ЯНАО, с. Шурышкары, 2011]. Неоднократно упоминалось о способности снежного человека читать чужие мысли, предугадывая действия людей. «Снежные люди угадывают мысли, поэтому их никто поймать не может» [ПМА: ХМАО, пос. Саранпауль, 2011]. «Снежные люди могут загибнуть. Стоят рядом с человеком, а их не видно, только воняет тухлятиной» [ПМА: ЯНАО, с. Шурышкары, 2011]. «Снежный человек отводит глаза охотнику. Вот чувствую, что

рядом стоит, а никого не видно. И собаки лают, как на дичь» [ПМА: ХМАО, пос. Саранпауль, 2011].

Таким образом, представления обских коми о снежном человеке подразумевают прежде всего его причастность к миру духов, причем духов злобных, опасных и враждебных человеку. Для защиты от снежных людей использовались крест, святая вода, молитва, острые металлические предметы (нож, топор, ножницы), мат, то есть те же обереги, которые применялись для защиты от нечистой силы. «Снежный человек — это тот же, что леший. Есть лесной остров, Пугор называется. Там снежные люди водятся. Они людей крутят. Надо материться, когда по лесу идешь, тогда лесной черт отстанет» [ПМА: ЯНАО, с. Мужы, 2004]. «Всегда надо с собой иметь крестик и молитву читать. Это от любой нечисти защищает, и чтоб в лесу снежный человек не встретился» [ПМА: ЯНАО, с. Шурьшкары, 2011].

Еще один мотив, объединяющий снежных людей с inferнальными персонажами, — их стремление проникать в дома в темное время суток, чтобы погубить живущих там людей. Именно для защиты от лешаков или снежных людей обские коми вечером клали под порог дома топор или нож, рисовали мелом крестики на дверях и окнах, закрепивали все углы и щели. «Под порог надо положить топор, хотя бы нож или ножницы, чтобы лесные люди не пришли, потому что духи боятся металла» [ПМА: ХМАО, с. Восяхово, 2006]. «Чтобы в дом лешаки и всякая нечисть не попали, каждый вечер кладу у порога нож или топор, а под подушку ножницы. Снежные люди — тоже нечистая сила, в дом лезут, от них надо спасаться» [ПМА: ЯНАО, пос. Овгорт, 2004]. Считалось также опасным ходить за водой или выносить мусор после заката солнца: этим можно привлечь к дому нечистую силу (в том числе снежного человека), которая способна ориентироваться по запаху, находясь на далеком расстоянии. «Когда стемнеет, ничего нельзя делать. Ни воду носить, ни сор вытаскивать. Мама говорила, что можно с водой принести нечистую силу в дом, если воду после солнечного заката принести. Он из воды в ведро как прыгнет! Ты их и не заметишь, принесешь. Оттого нечисть в доме заводится» [ПМА: ЯНАО, пос. Овгорт, 2004]. «Если сор после

заката солнца вынесешь, лешаки по запаху могут след найти и в дом залезть. Особенно если двери и окна не закрешены. Будет вокруг дома ходить, рыскать, искать, где какая щель есть. Если хоть маленькую щелочку найдет, на которую крест не наложили, в дом проникнет» [ПМА: ЯНАО, пос. Овгорт, 2004]. «Как стемнеет, то из леса выходят лесные духи. Сейчас у нас в лесу снежный человек появился, это та же нечисть. Одна женщина вечером мусор понесла. Вернулась домой, а потом смотрит: кто-то в окно заглядывает. Лицо страшное, белое, глаза горят. Всю ночь ходил вокруг дома, в окна лез. Она еле открестилась, молитвы читала» [ПМА: ХМАО, пос. Саранпауль, 2011].

Рассказывая об образе жизни, привычках и нравах снежных людей, обские коми полагали, что они живут семьями, в глухих лесных чащах, строят дома, ведут хозяйство. «Видели целую семью снежных людей. Мужчина, женщина и ребятишки — пять или шесть штук» [ПМА: ЯНАО, с. Шурышкары, 2011]. Лешаки и снежные люди прокладывают лесные заповедные («заколдованные») тропы, по которым не следует ходить людям. Наиболее опасным обские коми считали построить дом на такой дороге или останавливаться на ночлег. «С людьми они (лесные духи) не общаются. Приходят в дом, брякают посудой, а кто их знает, куда они идут? Может, к семье. Семья, дети ведь у них тоже есть. Людей они видят, а их не видать» [ПМА: ЯНАО, пос. Овгорт, 2004]. «За поселком чертова дорога. По ней они (лесные духи) из леса к реке идут, и потом дорога обратно в лес поворачивает» [ПМА: ЯНАО, пос. Овгорт, 2004]. «У снежного человека свои тропы проложены, по человеческим дорогам они не ходят. Они не любят, когда на их дорогу кто-нибудь зайдет. Они тогда пугают, чтобы прогнать» [ПМА: ЯНАО, с. Шурышкары, 2011]. «В лесу живет куль, его ханты почитают. Люди не должны по их владениям ходить, а то беда будет. Дорога — это судьба ихняя. У кулей тоже своя судьба, своя дорога» [ПМА: ЯНАО, пос. Овгорт, 2004]. «Снежный человек пугает, чтобы его не тревожили, у них дорога своя, отдельная от людей» [ПМА: ХМАО, пос. Саранпауль, 2011]. «У лешаков дороги проложены, люди их не видят. По ним нельзя ходить. Чертова дорога называется. Если на чертовой дороге

построить дом, они не дадут спокойно жить. У нас раньше в старом доме все посуда по ночам гремела, чашки, ложки стучали, житья не было. Мама учила: нужно вечером перекрестить все двери и обойти дом с молитвой “Отче наш”, читать “Богородицу”. У порога положить топор острием к улице, под перину — ножницы. И ничего, перестали беспокоить» [ПМА: ЯНАО, пос. Овгорт, 2004].

С лешаками и снежными людьми обские коми связывали сюжет о подмене детей, весьма распространенный на Сибирском Севере. «Нужно в люльке оставлять ножницы, чтобы ребенка не утащили лесные духи» [ПМА: ЯНАО, с. Мужы, 2004]. «Маленьких детей нельзя оставлять без присмотра — снежный человек к себе в лес утащит, а вместо него подsunет полено или чурку» [ПМА: ХМАО, пос. Саранпауль, 2011]. «Детей одних в лес не пускаем. Могут снежные люди схватить, в тайгу уволочут» [ПМА: ХМАО, пос. Сосьва, 2011]. «В Восяхово был случай. Женщина (зырянка) косила и оставила ребеночка под стогом. Снежный человек его подменил. Сначала все думали, что ребенка сглазили. А через несколько лет ей сказали, что это не человеческий ребенок. Его сдали в психушку. Он, как зверь, на всех бросался, ел только сырое мясо. Был как обезьянка: тело покрыто волосами, длинные руки, личико сморщенное» [ПМА: ЯНАО, с. Шурышкары, 2011].

По рассказам ижемских и обских коми, помощниками лешаков могли быть животные и птицы. В первую очередь эта роль отводилась воронам и сорокам, которые считались наиболее зловредными и связанными с нечистой силой (а в ряде случаев — с оборотнями, эманациями лесных духов и лешаков). Известны сюжеты несказочной устной прозы о том, как сороки и вороны помогали лешакам воровать детей [Голубкова 2009: 237–239]. Подобных сюжетов о снежных людях не зафиксировано: последние, согласно быличкам, занимались подменой детей самостоятельно. Наибольшее число рассказов на эту тему связано с лешаками; лишь несколько историй, записанных в Нижнем Приобье, повествовали о подмене детей снежными людьми. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что образ снежного человека еще

достаточно новый в мифологии коми-ижемцев, этот персонаж пока не обрел в полной мере сакральных качеств, присущих иным представителям мифологизированного мира. Вероятно, снежный человек, несмотря на многочисленные характеристики, относящие его к нечистой силе, в некоторой степени еще сохраняет черты человеческой природы. Эта природа чужая, непонятная, враждебная; тем не менее в наименовании данного персонажа присутствует слово «человек», которое не может не сближать снежных людей с обычными.

Итак, сопоставляя представления обских коми о злобных лесных духах (лешаках) и снежном человеке, становится очевидным, что это идентичные персонажи. Они обладают одинаковым набором характерных качеств, имеют схожие черты «внешности», для защиты от них применяются одни и те же обереги. Примечательно, что большинство информантов выказывало отношение к снежному человеку как к представителю нечистой силы. Таким образом, можно сделать вывод, что в последние несколько лет демонологический персонаж лешака начал вытесняться тождественным ему образом снежного человека. С учетом пола и возраста информантов складывается следующая картина. Упомянутых персонажей лешаками чаще всего называли люди старшего поколения — преимущественно 70–80-летние старушки. Мужчины, а также женщины моложе 65 лет, рассказывая истории с аналогичными сюжетами, говорили о снежных людях. Скорее всего, поводом для подобного замещения мифологического образа явилось желание придать определенный авторитет своим словам: ведь леший/лешак — представитель мифического, практически сказочного мира; а о снежном человеке можно услышать или прочитать в СМИ как о реальном существе, особом биологическом виде человека. Другое дело, что его образ в народном понимании наделялся такими же свойствами, что и его мифический «собрат» и предшественник — лешак. Включение новых источников (таких, как СМИ) в тексты несказочной прозы с традиционными по содержанию сюжетами само по себе характеризует изменение мировоззренческих традиций под воздействием трансформации социокультурных условий современной жизни.

Источники

ПМА 2004, 2006, 2011 (ХМАО, ЯНАО, Тюменская обл.).

Библиография

Барсов Е. В. Северные сказания о лембоях и удельниках // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1874. Т. XIII, вып. 1. Кн. 3: Труды этнографического отдела. С. 87–90.

Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX — начало XX в. // ТИЭ. Новая серия. М., 1958. Т. XLV.

Власова М. Н. Русские суеверия: энцикл. словарь. СПб., 1998.

Голева Т. Г. Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков / отв. ред. А. В. Головнев, А. В. Черных. СПб., 2011.

Голубкова О. В. Душа и природа: Этнокультурные традиции славян и финно-угров / отв. ред. А. В. Бауло. Новосибирск, 2009.

Криничная Н. А. Лесные наваждения (мифологические рассказы и поверья о духе-«хозяине» леса). Петрозаводск, 1993.

Лаушкин К. Д. Баба-яга и одноногие боги // Фольклор и этнография. Л., 1970. С. 181–186.

Мифология коми: Энциклопедия уральских мифологий. М.; Сыктывкар, 1999. Т. I.

Налимов В. П. Некоторые черты из языческого мирозерцания зырян // ЭО. 1903. № 2. С. 76–86.

Протт В. Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб., 1996.

Abstract

Stories about Yeti are popular among the Komi people of the Siberian North. It is supposed a mythical personage, forest evil spirit. It is considered that Yetis can become invisible, have no shadows and can read the minds of other people. Ordinarily is used the talismans for struggle against Yetis as against forest evil spirits which such as cross, holy water, prayer, sharp metal objects and foul language. Mythological Leshak was replaced mythical image of a Yeti in the ideas of the Ob-Komi people under the influence of newspapers and television.